

Звон серебряных колокольчиков, рассыпавшиеся тени людей.

Обжигающе-острая боль поползла от пронзённой летящей стрелой груди, когда Сюй Чжицю сорвался с обрыва. Всё это он успел увидеть перед тем, как перед глазами окончательно поплыло.

Алые шёлковые ленты развевались в клубах тумана, красные нити на ветвях тысячелетнего персикового дерева были порваны в клочья.

Эта грандиозная и на редкость долгая свадебная церемония, объединившая праведные секты и кланы со всех шести континентов, оказалась куда захватывающей, чем предполагалось.

На Северном континенте внезапно объявились варвары Пустоши, и господин Даомин, один из новобрачных, бросил всё на полпути и со всех ног помчался спасать свою возлюбленную. Будущему же партнёру по даосизму пришлось в одиночестве куковать в высоких покоях, а затем на празднество заявилось ещё больше варварских воинов.

Какая ирония: тем самым «будущим партнёром» был он.

Мир перевернулся за считанные мгновения, но если поразмыслить здраво, Сюй Чжицю находил странными всего три вещи.

Первая – выяснилось, что у господина Даомина, оказывается, есть возлюбленная. Вторая – как он ухитрился схватить навывлет чёртову стрелу, находясь так далеко от эпицентра заварушки?

И третья – падать с обрыва, как выяснилось, было даже приятно.

Горный ветер обжигал холодом, раздирая в клочья алые одежды. Белые пряди сметались в дикий хаос, а ярко-красная лента, и без того державшаяся на честном слове, соскользнула и взмыла вверх, извиваясь в потоках воздуха.

Кто-то нёсся к краю пропасти, что-то выкрикивая, но из-за взлетающих лент в глазах двоилось.

В ушах свистел ветер, и Сюй Чжицю не слышал и не видел больше ничего.

Ледяное дыхание бездонной пропасти поглотило падающую алые фигуру, растворив её в клочьях белёсого тумана.

Зрение померкло, боль отступила, и всё погрузилось в мёртвую тишину.

- ...

Птицы щебетали без умолку. Потемневшие от времени деревянные оконные рамы, разошедшиеся под лучами солнца, издавали едва слышный скрип при каждом дуновении ветра, а где-то неподалёку кто-то негромко разговаривал.

Сюй Чжицю проснулся от этого шума.

Кто бы мог подумать, что даже после смерти ему не удастся нормально выспаться? Немного полежав с закрытыми глазами в ожидании, пока гадкий шум стихнет, он понял, что тишины не дожждётся, поэтому вяло приоткрыл затуманенные глаза и медленно приподнял голову.

Стоило ему шевельнуться, как обнаружилось, что он почему-то сидит, а вокруг было до ослепительного светло.

Сквозь старые рамы пробивался свет, отражая на деревянном столе тени древесной листвы, легшие прямо на уголок книги. Воздух подёргивался дрожащим сиянием. Зрение постепенно прояснялось: контуры сидевших рядом соучеников в белой форме становились чётче, а голоса обретали отчётливость.

То самое монотонное бормотание, что не давало ему покоя, исходило от сидевшего впереди учителя – тот вёл лекцию так медленно и заунывно, что казалось, будто одно-единственное предложение он способен растянуть на добрых десять лет.

До чего же безмятежная картина – настолько безмятежная, будто недавней безумной свадьбы и последовавшего за ней хаоса никогда не существовало. Лишь пара человек вокруг заметила его движение и бросила в его сторону любопытные взгляды.

- ...

Посидев в такой позе ещё немного с отяжелевшими веками, он принялся взвешивать текущее положение дел и состояние тела, после чего предпочёл просто рухнуть обратно и продолжить спать.

Можешь жить – живи, не можешь – сдыхай. Но даже умирая, он требовал сначала дать ему выспаться.

- Подумаешь, папаша – император. Возомнил о себе Бог весть что только потому, что помолвлен с господином Даомином. Не хочешь учиться – вали отсюда.

Стоило ему уткнуться лицом в стол, как сзади-сбоку донеслись злорадные шушуканья.

Голос негромкий, вроде бы даже сдержанный, но ровно настолько, чтобы он расслышал каждое слово.

Голос казался одновременно чужим и смутно знакомым. Сюй Чжицю приподнялся на локте, лениво приоткрыл глаза и скосил взгляд.

Сидевший позади парень выглядел в целом неплохо, но выражение чистейшего омерзения на лице разом портило всё впечатление, делая его внешность куда более заурядной. Сюй Чжицю уставился на него прямо, без тени испуга или смущения, и наконец произнес:

- Ты всё ещё жив?

Этот паршивец был главарём среди учеников внешнего круга школы Врата Тысячи Формаций, где он сейчас и находился. Насколько помнилось Сюй Чжицю, тот вечно смотрел на него косо, а потом закрутился в каких-то тёмных делах и исчез из виду.

Главарь шайки знал, что Сюй Чжицю услышит его, но никак не ожидал, что тот не просто повернётся, а в упор уставится на него вот так. От этого прямого взгляда парню сделалось не по себе, и он попытался ответить тем же, но тут же натолкнулся на полуопущенные веки Сюй Чжицю.

Сонное выражение лица и полное, доходящее до наглого вызова равнодушие мгновенно всколыхнули в нём волну ярости.

Остальные соученики уже косились в их сторону, а учитель на возвышении продолжал погружённо вещать. Парень сжал кулаки на столе, едва сдерживаясь, но в следующий миг, услышав насмешливое «приветствие», тело среагировало быстрее мозга, и рука сама собой вытянулась вперёд.

Ш-ш-х!

Движение оказалось молниеносным: он подался всем корпусом вперёд, бросаясь на соседа сбоку. Окружающие не успели и глазом моргнуть, лишь испуганно ахнули.

Его пальцы коснулись тощего плеча, но применить силу он не успел: в ту же секунду в задней части шеи вспыхнула резкая боль, мир перед глазами дико закрутился, спина со страшным грохотом врезалась в край низкого деревянного стола, и тело прошила жгучая боль.

Никто ничего толком не понял. Опомнившись, соученики увидели лишь, что тот, на кого собирались напасть, легко увернулся от удара. Белые волосы медленно опускались сквозь запыленный луч света, выглядя до боли ослепительными и делая простую белую форму ещё более тусклой и блеклой.

Сам нападавший, совершенно не понимая, что произошло, с глухим стоном уткнулся в разбитый собственный стол. Он поднял взгляд на сидевшего рядом парня, который с равнодушным видом опустил ресницы, и сквозь всё ещё не рассеявшееся отвращение в его глазах проступило чистое недоумение.

...Это что сейчас... этот слабак что-то сделал?

Только эта мысль успела промелькнуть в голове, как губы человека с невозмутимым лицом слегка обагрились кровью. Тонкая алая струйка побежала по подбородку, и после глухого кашля Сюй Чжицю согнулся пополам, прижимая руку к груди, точь-в-точь как сдуваемая осенним ветром чахлая свеча.

Главарь шайки, который ещё пальцем до него не дотронулся: «?»

Шум поднялся нешуточный. Другие ученики в аудитории, а следом и полностью погруженный

в лекцию учитель тут же уставились на них. Заметив кровь на белой ткани ученического одеяния, все до единого судорожно втянули воздух и перевели взгляды на сидевшего рядом парня.

Догадаться о чём они думали, было проще простого. Главварь поспешно схватился за ноющую спину, вскакивая на ноги, и принялся оправдываться:

– Я ничего не делал!

Он и впрямь ничего не успел сделать! К тому же пострадал-то он сам – спина отзывалась адской болью. А этот тип с самого начала и до конца не получил ни царапины, зато теперь почему-то харькает кровью на ровном месте, и он тут совершенно ни при чём!

Судя по взглядам окружающих, соученики разделять его мнение явно не спешили.

– Да говорю же, не я...

Его оправдания утонули в новой волне жестокого кашля. Совершенно игнорируя шум вокруг, Сюй Чжицю, продолжая надрывно кашлять, опираясь рукой о стол, поднялся на ноги. Заодно он свернул валявшиеся рядом свитки и запихнул их за поясной кушак, после чего повернулся к учителю:

– Мне нездоровится, можно я сегодня уйду пораньше и отдохну полдня?

Голос звучал тихо, с хрипотцей от кашля – казалось, в следующую секунду он выплюнет ещё с пол-литра крови.

Подобное состояние явно выходило за рамки «небольшого недомогания». Учитель больше не держал фасон и не тянул слова, а замахал руками с такой скоростью, что только мелькали тени, разрешая ему катиться куда подальше и отдыхать.

Появление Сюй Чжицю в секте Сюаньшань объяснялось вовсе не какими-то выдающимися талантами, а лишь удачным происхождением да знакомством с господином Даомином. Главной его целью было подлечить здоровье, ну и заодно поглазеть на азы культивации в секте внешнего круга, чтобы хоть как-то убить время. Учиться он всё равно не собирался, занятия прогуливал регулярно, так что уход посреди лекции никого не удивлял.

Вина за то, что он довел человека до кровохарканья, казалась делом решенным. Главварь

попытался было протянуть руку и что-то высказать, но сидевшие рядом ученики тут же заломили ему руки и зажали рот ладонью:

– Да у него вон вид какой! Хватит уже его доводить!

– М-м-м! – главарь мычал с зажатым ртом, отчаянно размахивая руками, пытаясь донести хоть какой-то смысл.

Сюй Чжицю в упор не замечал поднявшейся за спиной суматохи. Пройдя в два-три шага проход, он переступил через порог и, выйдя из-под тени карниза, лениво приподнял руку, прищурившись от слишком яркого солнца.

Стоило ему покинуть класс, где он исходил кашлем на каждом шагу, как всё недомогание тут же испарилось: в груди больше не давило, горло не першило. Небрежно стерев со рта следы крови, он неспешно, покачиваясь, поплёлся к себе.

Горы секты возвышались до небес, утопая вдалеке в клубах тумана. На соседней вершине живописно раскинулась накренившаяся старая сосна.

Судя по всему, эту сосну он должен был случайно сломать годом-другим позже, оставив торчать один голый ствол, но сейчас дерево выглядело абсолютно целым и невредимым.

Либо с ним самим что-то было не так, либо с этим миром. Время словно откатило назад на несколько лет, и даже те соученики, о которых давно не было ни слуху ни духу, сейчас преспокойно сидели в учебном зале.

Сюй Чжицю немного подумал и решил, что если где-то и произошёл сбой, то это сущая мелочь. Есть золотое правило: не знаешь, что делать – иди спать.

Извилистая горная тропа петляла вверх. Он лениво покачивал тёмно-синей кисточкой, болтавшейся на поясном кушаке, и неторопливо поднимался на гору.

Каждая секта занимала отдельную горную вершину, и школа Врата Тысячи Формаций не была исключением. Ученики внешнего круга обитали на склоне, а учебный корпус находился у подножия – карабкаться наверх потом приходилось до седьмого пота, тогда как спускаться было куда легче.

Его жилище тоже располагалось на склоне, но ради поправки здоровья ему выделили уединенное место с небольшим двориком, где можно было повозиться с цветами и травами.

Едва он ступил на затенённую зеленью каменную дорожку, ведущую к дворику, как из-за увитой лианами арки показалась чья-то фигурка. Малец ростом по пояс забора стремглав выскочил навстречу, на ходу тараторя:

– Чего это ты сегодня опять так рано вернулся?

Слугу звали Тунцзы, он обычно прислуживал ему по хозяйству. Заметив на его губах еще не смытые следы крови, он в ужасе всплеснул руками:

– Ой, матушка, да что же это?!

– Там спать было невозможно, вот и вернулся.

(Тунцзы по сути это транслитерация слов малчик-слуга, но здесь видимо хозяева не заморачивались и используют это слово как имя. В переводе будут другие тунцзы, с маленькой буквы, это не этот Тунцзы а просто мальчишки-слуги)

Тунцзы вечно из-за всего поднимал панику, и Сюй Чжицю уже привык. Он увернулся от тянущихся к нему рук слуги, небрежно отер уголок рта и лениво обронил:

– Старая болячка, будто сам не знаешь.

Он направился напрямик к крыльцу под навесом дома и с наслаждением опустился на привычное место, прислонившись спиной к гладкому деревянному столбу. Прищурившись на солнце, он бросил:

– Какой нынче год?

Тунцзы семенил следом за ним по пятам и тут же отрапортовал:

– Пятнадцатый год Цяньли.

Значит, и вправду несколько лет назад.

С того момента, как он пришёл в себя, прошло уже немало времени. Даже если после смерти перед глазами и проносится вся жизнь, вряд ли этот «фильм» длится так долго. Называть происходящее галлюцинацией мешала слишком пугающая реалистичность. Если с ним самим

всё было в порядке, значит, сбоил сам мир.

Похоже, он действительно вернулся в прошлое.

За эти несколько лет кое-что, пожалуй, и стоило бы изменить, но если поразмыслить трезво – финал всё равно останется прежним.

Опасаясь, что его господин может отбросить коньки прямо здесь и сейчас, Тунцзы постоял над ним пару секунд и умчался на кухню заваривать целебный отвар.

Тяжёлый, горький запах лекарства поплыл по воздуху, пропитывая балки и деревянные столбы. Даже в те дни, когда зелье не варили, здесь неизменно витал этот неотвязный лекарственный дух. Сюй Чжицю закрыл глаза.

Хрусь...*

Деревянный поднос с нефритовой чашей мягко опустился на дощатый пол, издав глуховатый звук. Вернувшийся с отваром Тунцзы пододвинул поднос ближе и отчитался:

– Лекарство готово.

Сюй Чжицю чуть приоткрыл глаза, лениво скосив взгляд на чернеющую в чаше бурду неизвестного происхождения.

Он помешал её ложкой – отвар оказался настолько густым, что казался монолитным.

Это походило вовсе не на питьё туши, а на попытку сгрызть сухой чернильный камень, предварительно слегка подогретый на огне. Уголок его губ дерзко приподнялся, и он без обиняков выдал:

– Что за мерзость выварил?

– Всё самое лучшее! Я только что из павильона Лекарств принёс!

Тунцзы вскинул руки, вставая на защиту «мерзости», но тут же что-то вспомнив, расплылся в

улыбке:

– Я тут слышал от других учеников, что господин Даомин на днях заканчивает закалку вне секты и возвращается.

Он явно надеялся порадовать господина хорошей новостью, но результат оказался нулевым. Сюй Чжицю, ковыряясь в своей целебной бурде, даже не удосужился изменить брезгливое выражение лица. Ему было глубоко плевать, и спустя паузу он выдал лишь вялое:

– Оу.

<http://bllate.org/book/18820/1865172>